

УДК 343.15

Тимур Талгатович БАЯЗИТОВ,
старший преподаватель кафедры адвокатуры
и уголовно-правовых дисциплин
Российского университета адвокатуры
и нотариата им. Г.Б. Мирзоева (г. Москва)
Tim_ka_256@mail.ru

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СРЕДСТВ ЗАЩИТЫ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ ПОДОЗРЕВАЕМОГО, ОБВИНЯЕМОГО ПРИ ПРИМЕНЕНИИ ОТДЕЛЬНЫХ МЕР УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

IMPROVEMENT OF PROTECTIVE MEANS OF A SUSPECT'S OR ACCUSED PERSON'S PROPERTY INTERESTS APPLYING CERTAIN MEASURES OF CRIMINAL PROCEDURE COERCION

В статье рассматриваются проблемы правового регулирования защиты имущественных интересов преследуемых лиц при применении мер пресечения, задержания, наложения ареста на имущество. Анализируются положения Федерального закона от 28 февраля 2025 г. N 13-ФЗ, направленные на дальнейшую либерализацию заключения под стражу преследуемых лиц. Сформулированы предложения, направленные на совершенствование гарантий имущественных прав подозреваемых, обвиняемых при применении мер процессуального принуждения имущественного характера.

The article considers the problems of legal regulation of the protection of persecuted persons' property interests under applying preventive measures of preventive punishment, detention, and seizure of property. The provisions of the Federal Law of February 28, 2025 N 13-FL aimed at further liberalization of detention of persecuted persons are analyzed. Proposals for improving guarantees of property rights of suspects and accused persons under applying procedural coercion measures of a property nature are formulated.

Ключевые слова: заключение под стражу, залог, наложение ареста на имущество, защита имущественных интересов подозреваемых, обвиняемых.

Keywords: *detention, bail, seizure of property, protection of property interests of suspects and accused persons.*

В течение последних лет сложился специальный механизм правового регулирования порядка привлечения к уголовной ответственности предпринимателей, совершивших преступления в сфере экономической деятельности [9, с. 470-472]. Последовательная политика, направленная на защиту имущественных интересов преследуемых лиц, была воспринята неоднозначно.

Основные аргументы оппонентов сводились к следующему: проводимая либерализация уголовной политики не встроена в существующую систему законодательства о борьбе с преступностью, которое не получило нужной доработки [10, с. 68-84]; введение отдельной социальной категории «предприниматели» противоречит развитым процессуальным порядкам, правила уголовного судопроиз-

водства должны быть едиными для всех [1, с. 5-19; 11, с. 6-7, 16-18]; правовые подходы, предусматривающие особые процессуальные механизмы уголовного преследования специальных субъектов, в том числе предпринимателей, могут привести к отрицательным последствиям [13, с. 69-70]; констатируется существенная привилегированность предпринимателей в сравнении с лицами, не достигшими совершеннолетия [3, с. 112-118].

Вместе с тем предложения о сокращении применения заключения под стражу в отношении подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, в том числе в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, продолжают поступать. В частности, Т.Н. Москалькова позитивно оценивает правовую позицию Верховного Суда Российской Федерации, который подготовил законопроект, направленный на ограничение применения самой строгой меры пресечения к подозреваемым и обвиняемым в совершении преступлений ненасильственного характера, женщинам, имеющим малолетних детей, и лицам, страдающим тяжелыми заболеваниями [7, с. 9-10].

Правоприменительная практика свидетельствует о том, что арест фактически превратился в безальтернативную меру пресечения, в том числе по экономическим делам в отношении руководителей предприятий, обвиняемых в совершении квалифицированных видов мошенничества. В результате это приводит к негативным последствиям. Предприниматели разоряются, лишаются бизнеса, что способствует росту безработицы, наносит ущерб экономике [7, с. 12].

Законодатель продолжил тенденцию, направленную на ограничение меры пресечения в виде заключения под стражу. Федеральным законом от 28 февраля 2025 г. N 13-ФЗ внесены изменения в ст. 99, 108 УПК РФ¹. Они касаются применения заключения под стражу в отношении подозреваемых и обвиняемых независимо от их связи с предпринимательской деятельностью. В ч. 1 ст. 99 УПК РФ в число обстоятельств, учитываемых при

избрании меры пресечения, включено совершение преступления с применением насилия либо угрозой его применения. Данный квалифицирующий признак (ч. 1 ст. 108 УПК РФ) является обязательным условием заключения под стражу в случае совершения преступлений средней тяжести, тяжкого или особо тяжкого преступления, если иное не предусмотрено ч. 1.1, 1.2 и ч. 2 ст. 108 УПК РФ, при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения.

Законодатель существенно расширил перечень лиц, в отношении которых заключение под стражу ограничено: несовершеннолетний, беременная женщина, женщина, имеющая малолетнего ребенка, мужчина, являющийся единственным родителем малолетнего ребенка, усыновитель или опекун малолетнего ребенка, единственный родитель, усыновитель, опекун или попечитель ребенка-инвалида, а также определил категории преступлений и обстоятельства, при наличии которых возможно применение данной меры процессуального принуждения (ч. 2 ст. 108 УПК РФ). Заключение под стражу в качестве меры пресечения может быть применено в случае, если они подозреваются или обвиняются в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления. В исключительных случаях при наличии одного из обстоятельств, указанных в пп. «а»-«г» п. 1 ч. 1 ст. 108 УПК РФ, эта мера пресечения может быть избрана в отношении указанных лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступления средней тяжести с применением насилия либо с угрозой его применения, а также преступлений, предусмотренных ч. 1.2 ст. 108 УПК РФ.

Отдельные изменения касаются конкретно индивидуальных предпринимателей. В частности, в абзаце первом ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ предусмотрен уточненный перечень преступлений, совершенных индивидуальным предпринимателем и в сфере экономической деятельности, за которые может быть применено заключение под стражу, а также преступления, по которым это возможно только при

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 28.02.2025 N 13-ФЗ.

наличии одного из обстоятельств, указанных в данной части.

Изменения, внесенные в УПК РФ Федеральным законом от 28 февраля 2025 г. N 13-ФЗ, направлены на дальнейшее расширение прав и гарантий граждан, в том числе и предпринимателей, совершивших преступления в сфере предпринимательской и иной хозяйственной деятельности. Данный подход предполагает более частое использование альтернативных мер пресечения. В связи с этим предлагается определить залог в качестве приоритетно избираемой меры в отношении лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность и совершивших преступление в связи с ее осуществлением [6, с. 4, 11, 20].

И.Б. Тутьнин формулирует установку на расширение возможного выбора степени принуждения имущественного характера в уже существующих мерах, в том числе залоге [11, с. 24-25, 27]. Условия повышения оптимальности закона и эффективности правоприменения, предложенные И.Б. Тутьниным, представляют интерес, заслуживают дальнейшего изучения и возможного внедрения в практику.

С.И. Вершинина обращает внимание на нерешенные проблемы залога – основные, существенные, имеющие концептуальное значение. В их числе названы: необходимость применять залог в отношении обвиняемых, не содержащихся под стражей; возможность применения залога в качестве первичной меры принуждения; влияние финансовой состоятельности обвиняемого на определение размера залога; указание в законе специальных оснований залога, обуславливающих его выбор из всех мер применительно к конкретному обвиняемому; определение круга обвиняемых, в отношении которых может быть использован залог; использование данной меры принуждения, как правило, по тяжким и особо тяжким преступлениям [4, с. 269-274].

В целом большинство обозначенных С.И. Вершининой проблем заслуживает внимания. В процессуальной литературе поддержано предложение в отношении предостав-

ления полномочий органам расследования, в том числе возможности рассматривать ходатайство залогодателя или его защитника об избрании залога. В связи с этим предлагается предоставить им право обращаться в суд с ходатайством не только о применении этой принудительной меры, но и о ее изменении [6, с. 11].

Н.А. Андроник констатирует низкую эффективность залога, отмечает, что его применение требует значительных временных затрат, характеризуется сложностью избрания, которая связана с несовершенством уголовно-процессуального законодательства. Она полагает, что размер залога должен быть не менее суммы причиненного преступлением материального ущерба. Ею высказано мнение об ограничении применения залога в качестве меры пресечения в отношении подозреваемых и обвиняемых в совершении тяжких и особо тяжких преступлений против жизни и здоровья, а также против половой неприкосновенности и половой свободы личности [2, с. 4, 8, 10].

Тезис о том, что законодатель не добился оптимального, эффективного применения мер процессуального принуждения имущественного характера, в том числе и залога, высказывают и другие ученые [6, с. 4]. Вполне разумно предложение о том, что размер залога должен быть сопоставим с материальным ущербом, причиненным преступлением. Правильно и то, что с осторожностью следует применять залог в отношении лиц, подозреваемых, обвиняемых в преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности.

Отдельные авторы связывают перспективы развития залога с изменением порядка его избрания с судебного на внесудебный. Ими предлагается:

– оставить необходимость получения согласия суда только на совместное применение с запретом определенных действий;

– предусмотреть в законе наложение имущественных взысканий на предмет залога, оставить в качестве залогодателя только подозреваемого или обвиняемого.

– закрепить исключительно денежный вид залога, что позволит упростить порядок его применения и разовьет институт «профессиональных залогодателей», представляющих заем для внесения залога [5, с. 12-20].

Большинство указанных предложений вызывают различной степени сомнения. Нельзя согласиться с внесудебным порядком применения залога. Это нарушает охраняемое законом конституционное право частной собственности, закрепленное в ст. 35 Конституции РФ. Никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда.

Наложение имущественного взыскания на предмет залога выхолащивает суть этой меры принуждения. Возвращение в целости залога обратно при надлежащем поведении обвиняемого (подозреваемого) – его движущая сила. Возможность потери создает нервозность, неуверенность, исключает желание других физических и юридических лиц выступать в качестве залогодателя.

Скорее всего, введение только денежного залога может упростить деятельность органов расследования и суда, но желание получить денежный эквивалент серьезно осложнит возможности преследуемых лиц. Напротив, свобода действий залогодателя по распоряжению имуществом и прерогатива суда по определению его в качестве залога ограничивается положениями ч. 1 ст. 106 УПК РФ. Исходя из содержания п. 13 ст. 5 УПК РФ следует, наоборот, расширить перечень залогового имущества, а также предусмотреть механизм данной деятельности в отношении «права требования», «других исключительных прав» [6, с. 19].

Развивая мысль автора, хотелось бы обратить внимание на то, что данный подход особенно уместен при расследовании преступлений, связанных с предпринимательской деятельностью. Помимо этого в контексте совершенствования данной меры пресечения целесообразно предусмотреть для залогодателя возможность по решению суда пользоваться заложенным имуществом. В настоящее время законодательно данное право четко не закреплено, однако с учетом особенностей современных форм экономической деятельности и развития экономики это необходимо.

Отсутствие надлежащей регламентации оставления имущества на хранение залогодателю ограничивает возможность широкого применения данной меры пресечения. Между тем в правоприменительной деятельности встречаются примеры такого рода. Так, интервьюирование адвокатов г. Москвы выявило случай, когда в рамках уголовного дела в качестве заложенного имущества выступал легковой автомобиль обвиняемого. Его хождаительство об оставлении этого имущества у него обоснованно сопровождалось вопросом со стороны органов предварительного расследования и суда об обеспечении сохранности данного транспортного средства. Собственнику было предложено осуществить полное страхование данного автомобиля по КАСКО. В этом случае происходит страхование от различных рисков – от мелкой царапины или дорожно-транспортного происшествия до полного уничтожения автомобиля. Несмотря на обоснованность данного требования, оно не имеет под собой надлежащей законодательной основы. В данной ситуации был достигнут компромисс между публичными и частными интересами сторон. С одной стороны, обвиняемый защитил свои имущественные интересы, с другой – сторона обвинения получила гарантии сохранения имущества, находящегося в залоге. Данный способ поведения особенно актуален в рамках предпринимательской деятельности. В связи с этим полагаем целесообразным предусмотреть данную возможность на законодательном уровне. Имеется необходимость предусмотреть право суда и органов предварительного расследования требовать от залогодателя страхования имущества, выступающего предметом залога, для обеспечения его целостности при оставлении у залогодателя.

Широкое применение альтернативных мер пресечения дает основания для реализации положений ст. 160 УПК РФ. При этом следует подчеркнуть, что они ориентированы на ситуации, связанные с задержанием и заключением под стражу подозреваемого, обвиняемого. Между тем имеются случаи, когда принятие мер по обеспечению сохранности имущества и жилища указанных участников

уголовного процесса требуется и при применении других мер принуждения. Так, например, применение меры пресечения в виде домашнего ареста предполагает изоляцию подозреваемого, обвиняемого в соответствующем жилом помещении (ч. 1 ст. 107 УПК РФ). В этом контексте нельзя исключать, что у такого человека где-либо в другом месте помимо жилища может быть имущество, требующее присмотра. В условиях, когда он лишен возможности контролировать его состояние, возможна утрата некоторых объектов либо снижение в силу различных причин его стоимости. Конечно, функцию по обеспечению сохранности имущества могут выполнять члены семьи, родственники подозреваемого, обвиняемого. Тем не менее при их отсутствии либо по иным причинам эффективное сбережение материальных ценностей не всегда возможно.

Этот пробел законодательного регулирования отчасти объясняется тем, что требования ст. 160 УПК РФ в значительной степени повторяют содержание ст. 98 УПК РСФСР. Произошла определенная преемственность соответствующих законодательных установлений. Учитывая, что в период действия УПК РСФСР 1960 года такая мера пресечения, как домашний арест, отсутствовала, она, соответственно, законодателем не была учтена при формировании соответствующих норм. Между тем в современный исторический период, характеризующийся бурным развитием частной собственности, этот вопрос нельзя оставлять без внимания. Полагаем, что при применении домашнего ареста целесообразно предусмотреть возможность по ходатайству подозреваемого, обвиняемого принимать меры по обеспечению сохранности его имущества в рамках ч. 2 ст. 160 УПК РФ. Для этого требуется внесение соответствующих законодательных изменений. Необходимо также учесть рассматриваемых отношений при применении судом запрета определенных действий, связанных с выходом за пределы жилого помещения (п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ).

В условиях ареста имущества подозреваемого, обвиняемого реализация их имущественных интересов с точки зрения разум-

ности сроков применения соответствующей меры принуждения остается наиболее уязвимой. Необходимые гарантии защиты их интересов должны быть предусмотрены в ст. 6.1 УПК РФ и найти развитие в ст. 115, 115.1 УПК РФ. Положение, предусмотренное в ч. 3.2 ст. 6.1 УПК РФ, не должно исключать подозреваемого и обвиняемого. Реализация этой идеи предполагает внесение изменений в содержание ч. 3.2 ст. 6.1, а также ст. 115, 115.1, 208 УПК РФ.

Арест имущества не должен быть бессрочным, неопределенным по времени. Если речь идет о лицах, осуществляющих предпринимательскую деятельность, такая «заморозка» их активов может привести к существенным убыткам или прекращению деятельности. Такого рода ограничения не вписываются в исповедуемый законодателем подход, направленный на защиту предпринимательской среды.

В процессуальной литературе встречаются различные предложения по поводу корректировки сроков применения наложения ареста на имущество, в частности о необходимости предусмотреть предельный срок в зависимости от тяжести совершенного преступления: по преступлениям небольшой или средней тяжести – до 6 месяцев, по тяжким и особо тяжким – до 12 месяцев. Это обусловливается принципом разумного срока уголовного судопроизводства и срочным характером данной меры процессуального принуждения [8, с. 15-17].

Ограниченный по срокам характер анализируемой принудительной меры не может рассматриваться бессистемно, в отрыве от основных сроков расследования уголовного дела, применения срочных мер принуждения, таких как запрет определенных действий, залог, домашний арест и заключение под стражу, а также их продления. По нашему мнению, разумный срок вовсе не следует выражать в конкретном исчислении. Не случайно законодателем разработаны соответствующие критерии оценок, с учетом которых определяется эта разумность.

Учитывая вышеизложенное, представляется возможным сделать следующие выводы.

1. Законодательная тенденция, направленная на дальнейшее расширение гарантий обеспечения прав предпринимателей, ориентирует на сокращение меры пресечения в виде заключения под стражу и применение альтернативных мер процессуального принуждения. Предлагается определить залог в качестве приоритетной меры по делам о преступлениях, совершенных при осуществлении предпринимательской и иной экономической деятельности.

2. Необходимо предусмотреть в содержании ст. 106 УПК РФ право суда при избрании меры пресечения в виде залога по ходатайству залогодателя предоставлять ему возможность хранения, владения и пользования заложенным имуществом (недвижимость, транспортные средства и др.), за исключением денежных средств, в целях предпринимательской деятельности, если это не приведет к его утрате или уменьшению стоимости. Для сокращения рисков утраты или уменьшения стоимости залогового обеспечения предлагается предусмотреть в законе дополнительное условие в виде страхования залогодателем соответствующего имущества по требованию суда или органов предварительного расследования.

3. Домашний арест (ст. 107 УПК РФ) или запрет определенных действий (п. 1 ч. 6

ст. 105.1 УПК РФ) могут создавать риски, связанные с утратой имущества, оставшегося без должного присмотра. В связи с этим предлагается распространить положения ч. 2 ст. 160 УПК РФ на указанные принудительные меры: предусмотреть в законе обязанность органов предварительного расследования и суда не только разъяснения прав, закрепленных в ст. 160 УПК РФ, но и, с учетом позиции подозреваемого, обвиняемого, выполнения действий, направленных на защиту их имущественных интересов.

4. Законодательное установление, предусматривающее определение разумного срока применения меры процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество (ч. 3.2 ст. 6.1 УПК РФ), не должно исключать подозреваемого и обвиняемого. При приостановлении предварительного расследования необходимо рассматривать вопрос о возможном изменении ограничений, связанных с владением, использованием, распоряжением арестованным имуществом, либо об отмене ареста, наложенного на имущество подозреваемых, обвиняемых, указанных в ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ. Реализация этих идей предполагает внесение изменений в содержание ч. 3.2 ст. 6.1, а также ст. 115, 115.1, 208 УПК РФ.

Библиографический список

1. Александрова, И.А. Новая уголовная политика в сфере противодействия экономической и налоговой преступности: есть вопросы / И.А. Александрова, А.С. Александров // Библиотека криминалиста. – 2013. – № 1. – С. 5-19.

2. Андроник, Н.А. Меры пресечения, избираемые судом по ходатайству органов предварительного расследования: проблемы правоприменения и законодательного регулирования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.4 / Н.А. Андроник. – Екатеринбург, 2022. – 21 с.

3. Бондаренко, А.А. При избрании меры пресечения в виде заключения под стражу «лучше» быть предпринимателем, чем несовершеннолетним / А.А. Бондаренко, Е.Е. Коробкова // Правовые и гуманитарные проблемы уголовно-процессуального принуждения : материалы международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Б.Б. Булатова. – Омск: Омская академия МВД России, 2024. – С. 112-118.

4. Вершинина, С.И. Нормативно-правовая сущность уголовно-процессуального принуждения : монография / С.И. Вершинина. – М.: Юрлитинформ, 2017. – 367 с.

5. Квык, А.В. Меры пресечения, избираемые по инициативе суда на стадии предварительного расследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.4 / А.В. Квык. – М., 2023. – 23 с.
6. Лыга, А.П. Меры уголовно-процессуального принуждения имущественного характера : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.4 / А.П. Лыга. – Омск, 2022. – 23 с.
7. Москалькова, Т.Н. Правовые и гуманитарные проблемы института уголовно-процессуального принуждения в деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации / Т.Н. Москалькова // Правовые и гуманитарные проблемы уголовно-процессуального принуждения : материалы международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Б.Б. Булатова. – Омск : Омская академия МВД России, 2024. – С. 5-13.
8. Назарова, М.Д. Обеспечение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства при наложении ареста на имущество : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.4 / М.Д. Назарова. – М., 2024. – 24 с.
9. Научные концепции развития российского законодательства: монография / под ред. Т.Я. Хабриевой, Ю.А. Тихомирова. – 8-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2024. – 656 с.
10. Рудич, В.В. Современная уголовно-процессуальная политика применения мер пресечения : монография / В.В. Рудич. – Екатеринбург : Уральский государственный юридический университет, 2016. – 90 с.
11. Тутынин, И.Б. Процессуальное принуждение имущественного характера в уголовном судопроизводстве : дис. ... докт. юрид. наук : 5.1.4 / И.Б. Тутынин. – М., 2023. – 529 с.
12. Фетишева, Л.М. Применение мер пресечения при производстве по уголовным делам о преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской деятельности : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Л.М. Фетишева. – Нижний Новгород, 2016. – 247 с.
13. Шаталов, А.С. Результаты научных исследований уголовно-процессуальной тематики как ресурс развития отраслевого законодательства / А.С. Шаталов // Уголовный процесс и криминалистика: правовые основы, практика, дидактика (к 75-летию со дня рождения профессора Б.Я. Гаврилова) : сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции : в 2 ч. – Ч. 1. – М.: Академия управления МВД России, 2023. – С. 66-72.